

“ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ” КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

В.С. АВТОНОМОВ

От “экономического империализма” к стремлению к взаимообогащению

Дискуссия, развернувшаяся вокруг “экономического империализма” на страницах журнала “Общественные науки и современность”, очень интересна и отличается высоким теоретическим уровнем. Однако примечательно, что она практически не применима к ситуации в российских общественных науках. Для того чтобы предлагать свой инструментарий другим наукам, надо иметь его в достаточно развитом виде. Пока же в российской (постсоветской) экономической науке однородное профессиональное сообщество не сложилось. Это подтвердил, в частности, недавно прошедший первый Российский экономический конгресс (декабрь 2009 г.). При этом неоклассическую экономическую теорию, лежащую в основе “экономического империализма”, практически использует незначительная часть российских экономистов, а людей, применяющих неоклассический инструментарий в области других общественных наук, почти нет. У нас скорее можно встретить использование, например, в политологии, методов прикладной математики (см. работы Ф. Алескерова и др.), но их нельзя отнести к методам экономической теории (новой политической экономии?).

Вместе с тем прошедшая дискуссия, на мой взгляд, отнюдь не лишена актуальности в российском контексте. В нашей стране еще в XIX в. была сильна тяга к единой недифференцированной социальной науке (с большой дозой философии и религии) (см. [Цвайнерт, 2007, с. 360]). Призывы к междисциплинарным исследованиям, преодолевающим узкий подход отдельных общественных наук, часто раздаются и в современной России (наиболее последовательно эту точку зрения отстаивает Л. Абалкин).

Единой и синтетической общественной наука была до последних десятилетий XVIII в., когда она существовала в рамках моральной философии. Далее, как известно, начался процесс обособления частных общественных наук и их выхода за пределы философии. Вначале политическая экономия, а затем социология, психология постепенно вырабатывали свои подходы к исследованию человеческого поведения и общественных процессов. Эти подходы основывались на принятых в качестве исходной предпосылки моделях человека (первым образцом был *homo economicus* английской классической политической экономии), специфических понятийных системах и инструментах исследования, принятых только в данной науке и не доступных здравому смыслу, не вооруженному соответствующей теорией. Однако прогресс, порожденный специализацией общественных наук, практически сразу же породил протест и желание вернуться к “золотому веку” цельной, нерасчлененной общественной науки.

А в т о н о м о в Владимир Сергеевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики Государственного университета – Высшей школы экономики.

Чаще всего этот протест был направлен против упрощенной, внеисторической модели человека. Наиболее показательна полемика немецкой исторической школы, а позднее американских институционалистов против *homo economicus* (см. [Автономов, 1998]).

В эпоху существования обособленных общественных наук попытки междисциплинарных исследований в данной области обычно осуществляются либо в виде эклектического “мирного сосуществования”, когда предлагается рассматривать различные аспекты одного и того же явления с позиций различных наук, либо в виде “империалистического” захвата, когда инструментарий одной дисциплины применяется к традиционному предмету исследования другой. Причем надо сказать, что экономисты вовсе не были первыми империалистами в сфере общественных наук. Вначале был социологический империализм Э. Дюркгейма, психологический, точнее психоаналитический империализм З. Фрейда и его последователей.

Предыстория “экономического империализма” могла бы начаться с маржиналистской революции 1870–1890-х гг., которая скорректировала предмет экономической науки настолько, что для нее потребовалось придумать новое название – *economics* вместо прежнего *political economy*. Вместо производства, распределения, обмена и потребления материальных благ предметом науки стало рациональное поведение человека, распределяющего свои ограниченные ресурсы между различными конкурирующими способами употребления. Эта модификация стала заметна далеко не сразу: лишь в 1933 г. Л. Роббинс сформулировал новое представление о предмете экономической науки [Роббинс, 1993]. Не случайно, первый раз термин “экономический империализм” появился как раз в рецензии Р. Саутера на работу Роббинса. Действительно, формальное, а не содержательное определение предмета экономической науки позволяло отнести сюда практически любое человеческое действие, поскольку оно в конечном счете связано с распределением между различными использованиями таких ограниченных ресурсов, как время, внимание и силы человека. Однако экономисты осознали невозможности, открывавшиеся перед ними роббинсовским определением, лишь через несколько десятилетий.

Важно отметить, что “экономический империализм” не следует рассматривать как однородное течение. Современные исследователи выделяют в нем два основных направления (см. [Fine, Milonakis, 2009]). Первое из них связано с именами Г. Беккера и других представителей чикагской микроэкономической школы, а также родственной школы “*public choice*” Дж. Бьюкенена и Г. Таллока. Модели, с помощью которых представители беккеровской школы описывают человеческое поведение во всех его проявлениях (представление о всеохватности такого подхода, пожалуй, лучше всего получить, прочитав пародию А. Блайндера “Экономическая теория чистки зубов” [Blinder, 1974]), достаточно просты. Их исходные предпосылки – рациональное (максимизационное) поведение экономических субъектов, основанное на полной информации, а также модель равновесия в условиях совершенной конкуренции. Хотя такие предположения можно назвать достаточно натянутыми, с помощью этих моделей были получены реалистичные, а в ряде случаев (гораздо реже) даже и нетривиальные результаты (например, вывод о том, что в пары на брачном рынке объединяются люди со сходным уровнем всех параметров – образования, роста и пр. за исключением дохода [Беккер, 2003]).

Золотым веком беккеровского варианта экономического империализма можно, пожалуй, назвать 1970–1980-е гг., и это не случайно. В начале этого периода под влиянием системного кризиса мирового капиталистического хозяйства произошел распад сложившегося еще в 1940-е гг. мейнстрима экономической теории, получившего название “великого неоклассического синтеза” – двухэтажной постройки, состоящей из неоклассической микроэкономики и кейнсианской макроэкономики, на которую, в свою очередь, опиралась основанная на кейнсианских рецептах макроэкономическая политика. При этом связь между первым и вторым этажами практически отсутствовала – макроэкономика не имела микрооснований, то есть считалось, что макроэкономические феномены порождаются на уровне взаимодействия агрегатов (совокупных сбережений, инвестиций, потребительского спроса и т.д.) и не могут быть выведены из

поведения отдельных экономических агентов. Макроэкономические потрясения, которые короче всего можно обозначить одним словом “стагфляция”, продемонстрировали неэффективность экономической политики, основанной на кейнсианской макроэкономике. Поэтому вполне объяснимо, что именно второй макроэкономический этаж тогдашнего мейнстрима подвергся особенно жестокой критике и был демонтирован, хотя следует отметить, что на долю первого этажа в это время также досталось немало критики за математический формализм и отрыв от реальности.

Так или иначе, из кризисных испытаний середины 1970-х гг. мейнстрим экономической теории вышел гораздо более однородным, чем был ранее: на место кейнсианской пришла так называемая “новая классическая макроэкономика”, которая прочно опиралась на неоклассический фундамент. В макроэкономике закрепились рациональные субъекты и равновесные модели (даже таких, ранее считавшихся имманентно неравновесными явлений, как экономический цикл). Таким образом, неоклассическому подходу покорила область макроэкономического анализа.

На фоне этого успеха и микроэкономизации экономической науки логичной выглядела и экспансия неоклассики в области сопредельных общественных наук, хотя вызывающая упрощенность исходных предпосылок спровоцировала бурный протест социологов, юристов и историков (в меньшей степени политологов). И здесь нельзя не отметить безусловных достижений “экономических империалистов”. Вспомним, например, концепцию-метафору “человеческого капитала”, которую с удовольствием взяли на вооружение представители других общественных наук.

Другое направление в рамках экономического империализма представляет новая институциональная экономика (Р. Коуз, А. Алчиан, О. Уильямсон, Д. Норт и др.). Для них модели совершенной конкуренции и полностью рационального поведения – скорее, моменты отталкивания, позволяющие сформулировать собственные модифицированные предпосылки анализа. Так, Уильямсон в работе “Экономические институты капитализма” отметил, что для нового институционального анализа исходными являются предпосылки асимметрии информации, ограниченной рациональности и оппортунистического поведения. Важнейший фактор для новых институционалистов – неполнота информации, порождающая феномен транзакционных издержек, и различные институты, предназначенные для их минимизации. Новая институциональная экономика так же, как и беккеровский подход, представляет собой применение экономических (неоклассических) методов анализа к явлениям, традиционно не входившим в предмет исследования экономической науки: организационным и правовым рамкам экономической деятельности. И поэтому она тоже может быть причислена к видам “экономического империализма”.

Чтобы отметить важное различие между этими двумя направлениями, Т. Эггертсон предложил называть чикагско-виргинский подход “неоинституциональным”, а подход Коуза, Уильямсона и других – “новым институциональным”. Показательно, что виднейший чикагский представитель “экономической теории права” Р. Познер считал, что не существует отдельной институциональной теории, есть лишь неоклассическая микроэкономика, в то время как Коуз и Уильямсон воспринимали свою новую институциональную экономику как некое противопоставление неоклассическому мейнстриму.

Особо следует подчеркнуть важность для нового институционального подхода предпосылки асимметрии информации, которую начал исследовать применительно к страховому делу К. Эрроу в 1950-х гг. В общую экономическую теорию эта предпосылка стала активно внедряться после выхода в свет в 1970 г. статьи Дж. Акерлофа “Рынок лимонов” и исследований М. Спенса и Дж. Стиглица. (Эти три автора получили за исследования в области асимметрии информации Нобелевскую премию по экономике в 2001 г.)

Феномен асимметрии информации и способы ее учета в контрактах – одна из любимых тем нового институционального анализа. В настоящее время высказывается мнение, что “парадигма асимметрии информации” сменила неоклассическую парадигму в целом. Здесь все, конечно, зависит от того, насколько широко мы определим

неоклассическую парадигму, но важен сам факт, что экономическую теорию считают возможным разделить по данному признаку.

Может быть, имеет смысл говорить более широко о новой микроэкономике, основанной на несовершенстве информации. Такая микроэкономика, конечно, гораздо шире и нового институционализма, и исследований в области асимметрии информации. Несомненно относится к ней и поведенческая экономика, получившая в последние десятилетия бурное развитие и вошедшая в мейнстрим, о чем говорит, в частности, факт присуждения Нобелевской премии Д. Канеману. Во многом благодаря развитию новой микроэкономики структура мейнстрима современной экономической теории вновь изменилась. Начиная с 1990-х гг. и в первое десятилетие XXI в. он вновь стал более гетерогенным, притом разнообразие пришло из микроэкономики. Есть большая вероятность, что этот процесс продолжится, поскольку последний мировой экономический кризис вновь привлек внимание к излишне абстрактным предпосылкам современной макроэкономической теории, что будет и в дальнейшем способствовать интересу к моделированию сложностей и нерациональностей в поведении экономических субъектов.

Очевидно, что предпосылки новой микроэкономики значительно более приближены к реальности, чем предпосылки беккеровского подхода. Вместе с тем (а, может быть, и благодаря этому) его универалистские империалистические притязания носят более скромный характер. Поэтому и восприятие “нового экономического империализма” в сопредельных общественных науках гораздо более благожелательно. К тому же экономисты, работающие в данной традиции, оказались способными со своей стороны воспринять отдельные категории и даже методы других наук, прежде всего психологии и социологии, а это уже ближе не к “экономическому империализму”, а к тому идеалу взаимообогащающих междисциплинарных исследований в области общественных наук, о котором я упоминал вначале и который совсем недавно казался совершенно недостижимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.

Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.

Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Вып. 1. М., 1993.

Цвайнерт Й. История экономической мысли в России (1805–1905). М., 2007.

Blinder A.S. The Economics of Brushing Teeth // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 82. № 4.

Fine B., Milonakis D. From Economics Imperialism to Freakonomics. Abingdon–New York, 2009.

© В. Автономов, 2010

Сдано в набор 15.02.2010
Офсетная печать

Подписано к печати 29.03.2010
Усл. печ.л. 14,3
Тираж 623 экз.

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}
Уч.-изд.л. 18,5
Бум.л. 5,5

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049

Издатель – Российская академия наук. Издательство “Наука”: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099